

ДУЭТ ДЛЯ СОЛИСТА

Внук Иосифа,
сын Василия...

— Александр Васильевич, Вас так замучили журналисты, что от некоторых Вы даже скрываетесь?

— Приходится! Одно и то же спрашивают. Был тут корреспондент, я ему сразу сказал, что если хотите спрашивать меня о Сталине, то ничего нового, кроме того, что уже опубликовано, я не скажу. Нет-нет, уверял, разговор будет только о театре. А потом читаю: о театре чуть-чуть, а в основном перечисление моих биографических данных — внук Сталина, сын Василия Иосифовича...

Александр Бурдонский — режиссер Центрального Академического театра Советской Армии. Его постановки — «Мандат», «Последний пылко влюбленный», «Дама с камелиями», «Деревья умирают стоя», «Шарады Бродвея»...

— Зовут в Данию ставить спектакль «Дует для солистки». Есть предложения из Франции, Японии, ФРГ. Это все старания месье Мотэна, крупнейшего французского онколога, который к тому же пишет интересные пьесы и сценарии. Он увидел меня в телевизионном фильме, который снимала обо мне французская телекомпания Месье Мотэн побывал в Москве, и нас познакомили.

— Вами заинтересовались благодаря биографии?

— Конечно. Кому же интересен театр?!

— Я с удовольствием посмотрела Вашу красивую постановку «Шарады Бродвея». Душа устала от быта, чернухи, политики, экономики, споров, разногласий... Вы, наверное, тоже устали?

Переиграть политический
театр невозможно!

— Основатель нашего театра Алексей Дмитриевич Попов любил повторять, что режиссер должен держать руку на пульсе времени! Иногда это путают с ловлей ситуации за хвост. Сейчас само время диктует жанры, способы выражения. Переиграть политический телетеатр невозможно, да и не нужно. Слово «театральность» в советское время стало почти бранным. Мы стали забывать о существовании красок, музыки, костюмов... Прекрасный художник Алла Коженкова с невероятным вкусом и фантазией сделала практически из тряпочек роскошные туалеты в «Шарадах Бродвея». Все восторгались: сколько стоит это платье? Копейки! Только благодаря ее мастерству костюмы выглядели блестяще. В театр должны вернуться праздник, красота. Это не значит, что надо ставить исключительно оперетты или веселенькие комедии. Нет. Мы говорим о достаточно важных вещах, но говорим с юмором.

Сейчас я ставлю почти сказочную пьесу французского драматурга Жана Жироду «Безумный Шейс». Четыре старухи — их считают сумасшедшими — решают спасти Париж поэзии, романтики, красоты, музыки от прагматиков, дельцов, от бюрократов. Андрей Платонов говорил, что в каждом администраторе немного присутствует палач. Вот с этими палачами борются старухи. И спасают Париж. Мысль очень нам близкая, кстати. Мы заговорили о духовности, о том, что человек должен быть в центре внимания... Но ведь этого нет! Как никогда, человек не стоит в центре внимания! Держаться массой, обращаться к массам, управлять массами — это привычнее. Твой голос волею-неволею попадает в общий хор, и начинается суета. А для театра, мне кажется, главное сейчас — не суетиться. У меня такое ощущение, что для людей театра театр перестал быть главным местом в жизни. Актеры деловиты, озабочены какими-то проблемами, забегают на минутку, и мне все хочется узнать, где это у них такие важные дела?

В театре все-таки должен быть алтарь, на который ты что-то слагаешь.

Крах иллюзий —
это про нас...

Люди тянутся к сокровенному. Вот, скажем, «Дует для солистки» — пьеса для двух человек. Ни любовного сюжета, ни детектива. Знаменитая скрипачка, больная рассеянным склерозом, и врач, который докапывается до нее настоящей. Почему,

на мой взгляд, пьеса так близка нашему времени? Героиня переживает крах иллюзий, но тут же цепляется за новые иллюзии, а врач не позволяет, заставляет ее ощутить себя в истинном положении. Читаю пьесу актрисам, они говорят: ой, это про меня. Актёры тоже: про меня, про меня... Разные женщины, мужчины. Значит, действительно про нас.

— Мы лишились идеала светлого будущего — место одного на всех идеала опустело — и многие утратили опору в жизни, потеряли веру. Кинулись искать: кто к религии обратился, кто в политику ушел. А может, опора человека в нем самом? Не об этом ли «Дует для солистки»?

— Безусловно! Прежде всего — в себе. Иллюзии рухнули — как жить дальше, не принося зла окружающим и самому себе? Если театру удается вступить в настоящий диалог со зрителем, без заискивания, тогда театр нужен. Меня часто спрашивают: не хотели бы Вы поставить что-нибудь о Сталине? Не хотел бы. А вот о человеке, чью душу, психику исковеркал культ Сталина — это другой разговор. Его можно вести на большем уровне: от Шекспира — до Гоголя, Булгакова, Эрдмана...

— Почему Вы прижились в этом театре? Ни разу не порывались уйти?

— Был порыв. Но в последний момент одумался. По природе я не гастролер, трудно схожусь с людьми, зато потом привыкаю к ним. У этого театра я учился. Он был одним из лучших в Москве, да-да. Мальчишкой я видел Уланову в балете «Красный мак» в Большом и спектакль «Учитель танцев». Здесь, в ЦАТСа. Два театральных праздника на всю жизнь. После ГИТИСа не хотел здесь работать, никогда не стремился быть военным, хотя папа очень этого желал. А когда тебя толкают туда, куда ты не хочешь, возникает внутренний протест. Тем не менее... Я здесь уже двадцатый год. Этот театр близок мне по своей художественной вере. Это уже дом, с которым надо разделять радости и беды. Как и с родиной. Сколько мне говорили: почему не уезжаешь? Не могу. Не такую легкую жизнь я прожил, да и живу нелегко, но даже в моменты отчаяния не возникало желания все бросить и уехать. Я столько жил среди чужих людей, порой ко мне и равнодушных, и не добрых... Не осуждаю никого, кто уезжает, ради Бога. Весь мир для человека должен быть открыт, чтобы он мог жить там, где лучше себя чувствует, где больше раскрываются его возможности. С удовольствием бы ездил, смотрел — просто я очень небогатый человек, мягко говоря.

Мы опять ищем ведьм...

— Ваша биография Вам не мешает?

— Всегда мешает. Всю мою жизнь мешает. Я не могу упрекнуть театр в бестактном к себе отношении, но... трудно все. Плохо скажу о Сталине — заподозрят, что подстраиваюсь под время, хорошо скажу — заклеят сталинистом. Мы же опять всех делим, хотя говорим, что это был один из сталинских грехов. Опять ведьм находим, гоняться за ними начинаем с дубинкой в руках... Спрашивают: похожи Вы на него? Ну, наверное, воля у меня есть. Что-то общее, видимо, найдется, а в чем-то очень разные. Как и с отцом. К себе я достаточно жестко отношусь и для окружающих, вероятно, не так прост, как сам думаю. Но стараюсь никому не делать зла. Мне кажется, я уже научился на злобу не отвечать злобой, на интригу — интригой.

Помню, женщина-критик, увидев меня, воскликнула: это Вы Бурдонский? Не может быть! Я знаю, что он высокого роста, толстый, усатый и все время крутит в руке ключи от «Мерседеса». Ну что я могу на это сказать?.. Когда я учился в ГИТИСе, у меня была пара туфель и один брезентовый костюм. А вокруг говорили, что он-мол миллионер, но притворяется. Я бегал пешком до института, потому что денег на транспорт не хватало: хотя холодно было, гордость не позволяла, чтобы схватили за шиворот, как безбилетника. Так что сладкой жизни у меня никогда, в общем, не было. Да, в какой-то период жил в отцовской даче, шикарной, наверное, по тем временам, но как я там жил?! Неделями и голодный, и битый, и без внимания. Я совсем не избалован жизнью. Разве что до четырех лет ласку видел, пока мама рядом была...

Надо учиться
быть одиноким

У Кони, крупнейшего юриста, есть такая дивная фраза, завет древних, он его в одной из своих речей использовал: когда ты судишь кого-то, помни, что это тоже ты, только в падении, в какой-то беде, в горечи... На секунду поставь себя на место человека, которого судишь, другому судить станешь.

Люди все одиноки, и надо просто учиться быть одинокими. Это трудно, неприятно. Но в театре я вроде как не одинок. Здесь безумно интересная жизнь, которая столько во мне меняет, прибавляет. Мы же все — Нарциссы, глядящим в отражении своих чувств, переживаний. Я не могу ставить спектакль, если пьеса не про меня...

Помогала солировать
Алла ПЕРЕВАЛОВА.

На снимке: А. Бурдонский и Л. Касаткина после спектакля «Шарады Бродвея» («Все о Еве»).